

"...Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьётся локон золотой..."

Александр ПУШКИН

КАРЛ БРЮЛЛОВ, пожалуй, один из самых известных и копируемых в России художников. Его "Итальянский полдень" лихо цитируют все, кому дано хоть сколько-то умения рисовать. Земной и — тонкий образ. Грань миров и ощущений. Пышные плечи, обласканные солнцем, и пронизанный светом виноград — хрестоматийный вариант; его любят заказывать господа из провинциального "миддл-класса" в свои забавные особняки. Я знавала одного умельца — он клепал "итальянку" все девятьдесят и, как ему казалось, даже превзошёл самого Брюллова. Иногда его просили сделать декоративную поглубже, а девушку — постройнее. Грубые нравы! Ужасное поверье! Впрочем, интерес к брюлловским каровницам — это родом из детства — из советского детства! Развороты иллюстрированных жур-

ЭФФЕКТЫ И ЛОКОНЫ

Выставка произведений Карла БРЮЛЛОВА в ГТГ

налов, постеры, календари — везде была неизменная "Всадница", которую безуспешно пытались срисовать девочки-пятиклассницы. Локоны выходили чудесными, рукава — умопомрачительно-широкими, только лошадь стояла криво, косо и почему-то с дурацкой улыбочкой. Фрейлины, княгини, барыни — с нежными чертами и хлёплыми пальцами — трактовались, как "музы" и "лики прошлого", а в журнале "Работница" помещался портрет какой-нибудь придворной капризницы в бархатном наряде. Брюллов знал толк в кружевах и отборном жемчуге, равно как в буклях, атласе и бриллиантовых застёжках. Его героини — сплошь из благоуханно-блещающего мира: "Сверкающие дамские плечи и чёрные фраки, люстры, лампы, воздушные летящие газы, эфирные ленты..." и все итальянские простотюдинки смотрятся, как расслабленные гурии. Первый поход в Третьяковку — и снова Брюллов. Он — знаком, привычен, понятен. В любом возрасте. Всегда. Это и есть — классика.

В Государственной Третьяковской Галерее — небольшая, но примечательная выставка — экспонируются портреты Карла Брюллова из частного петербургского собрания. Это — ещё одна возможность дополнить наши знания и представления о творчестве художника.

Если эпоха Екатерины была золотым веком русской придворной жизни, то Николаевская эра — золотой век русской культуры. Не будучи гуманитарием (он говорил о себе: "Мы — инженеры!"), император прекрасно чувствовал слог, стиль, смысл, возвышая и привлекая отменные таланты. Брюллов — один из многих. Нерусский по крови (его отца звали Paul Bruleau) — он создавал славу России, будучи известен в Европе, как мастер совершенных линий. На выставке мы замечаем его автопортрет начала 1830-х годов — правильные черты в античном духе, тип романтического героя. Да. Он нравился своим заказчикам — пресыщенным дивам, а с графиней Юлией Самойловой его связывал многолетний роман. Поговаривали, что он лстит клиенткам, выписывая эталонные лица, руки, плечи. Так, великая княгиня Елена Павловна — сестра императора — в реальности не слыла настолько чарующей красавицей, как сие увековечил мастер. Её портрет (1829) в чёрном бархатном наряде и с модной куафюрой а-ля шинуаз — истинная жемчужина экспозиции. Настоящих жемчугов здесь тоже предостаточно — зритель сначала видит массивное ожерелье, а потом уже — "зимние" нордические глаза и чистейшую — бледно-розовую кожу щёк. Современники были восхищены тем, как живописец умел передавать игру материала — чёрный бархат сложен в отображении.

Вот — изображение молодой женщины подле фортепиано (1838). Предположительно, это портрет пианистки Эмилии Тимм — жены художника, брак с которым, увы, продлился весьма недолго. Светское общество обеих столиц по привычке обвинуло мужа — он ветрен, как все гении-красавцы, да и графиня Самойлова продолжала маячить на горизонте. Сам Брюллов тактично молчал, ибо существовала и другая — куда как более точная версия разрыва: именно она супруга оказалась нечиста, притом изначально! Как бы там ни было, портрет очарователен — схвачено всё: и осяная талия, и дивная шея, и белое платье — символ ...ожидаемого целомудрия. "Её овално

круглившееся личико, её тоненький, тоненький стан..." Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчётливо выточенную из слоной кости; она только одна белела и выходила прозрачною и светлою из мутной и непрозрачной толпы", — исключительный символ красоты, подмеченный Гоголем в описании губернаторской дочки и прочих молодых девушек, но никому не пришло бы в голову называть сей тип "гоголевским", как ни обидно за автора. Конкретно — Брюлловским!

Светские дамы желали, чтоб их писал душечно Брюллов. Княгиня Екатерина Петровна Гагарина — жена российского посланника в Риме — по отзывам современников, княгиня отличалась умом, образованностью и щедростью души. Художник гостил на вилле Гагариных — Grotta Fegata. Перед нами — групповой портрет — с сыновьями Евгением, Львом и Теофилом (1824). Посетители выставки обращают внимание на то, что младший сын одет в девичье платье и его локоны завиты, как у барышни. Дело в том, что примерно до начала XX столетия крошечных мальчиков одевали ...как девочек, показывая тем самым, что ребёнок ещё не вошёл в суровый мужской мир,

являясь по сути неполноценным (женщину — пусть знатную и премудрую — долгое время полагали существом более низкого порядка). Да и воспитание до трёх-шести лет было сугубо дамским — тому пример многочисленные нянюшки и бонны. Затем происходило "ритуальное" переодевание, и отрок принимался муштроваться, как будущего вельможу, воина, помещика — одним словом, хозяина бытия.

Ещё эта картина изумляет своей пестротой и перегруженностью (как и многие работы Брюллова). С конца 1810-х годов начал формироваться стиль бидермайер — замысловато-манерное ответвление романтизма. На смену помпезному, но лаконичному ампиру пришли завитушки, вазоны с розанами, коврики, салфеточки, роши и, как писал по этому поводу всё тот же Гоголь: "Фестончики, всё фестончики: пелеринка из фестончиков, на рукавах фестончики, эполетцы из фестончиков, внизу фестончики, везде фестончики". Переход к тотальному "фестончику" был постепенным — классицистические интерьеры обрасали миленькими излишествами, вроде цветастых канале, статуэточек и небольших картин с итальянскими видами, а в женскую моду опять вошли сложные причёски, воланы, банты, рукава с буфами (и да — фестоны). Холодныйватый ампир — надоел. От него устали. Хотелось безукусного, но тёплого уюта. На портрете семьи Гагариных мы видим не только идеальные личики, но и тщательно прорисованную меблировку. Тут и камин, и подсвечник, и массивная ваза с цветами, и, разумеется, знаковая деталь бидермайера — напольный ковёр с орнаментом. Брюллов, будучи невероятно талантливым, умел создавать гармоничные композиции — даже в условиях "кудрявого" стиля, и, как вопросил Пушкин: "К чему бесплодно спорить с веком?"

Эталонная грация — Аврора Карповна Демидова (1837). Мощные и — лилейные плечи, туго стянутая диво-талиа, взбитые рукава и — томный взор. Чудесную головку венчает убор а la tique — тюрбан, скрученный из привозной восточной ткани. В те годы пользовалась успехом ориентальная тематика (что, кстати, отражено и в творчестве Карла Крюллова — его бесконечные переплёвы гурий и одалисок). Светская львица из скандинавского рода Шернваль, она в 1836 году вышла замуж за богача и мецената Павла Демидова — ей тогда было уже под тридцать, что по меркам XIX столетия считалось поздним браком (именно такой возраст впоследствии назовут "балзаковским"!)

Она слыха богиней — Карамзин посвятил ей стихи, где назвал "соименницей зари", причём играло роль не столько само имя, но — изумительная свежесть и нега. "Всех румяным появлением оживи и озари!" Томление "в девицах" было вызвано тем, что все женихи Авроры ...коропотниково умирали. До финала дошёл только Демидов, да и он почил в 1840 году, а "соименница зари", перенеся траур, сделала мадам Карамзиной. Рок преследовал богино — Андрей Карамзин погиб в ходе Крымской войны. Однако же лета и беды никак не скажались на дивной Авроре — она выглядела всё так же молодова, крепко. Прожила долго и наполненно, скончавшись в 1902 году, в царствование последнего императора — Николая II. Правда, уже в Финляндии, сделав для развития этой "имперской окраины" много полезных нововведений и занимаясь до конца дней благово-

Эмилия Тимм у рояля (1839). Портрет кисти Карла БРЮЛЛОВА

рительностью. Зато в России остался её портрет, писанный Брюлловым. Вспоминала ли богиня утренней зари балы своей молодости? "Они несплси, увитые прозрачным созданием Парижа, в платьях, сотканных из самого воздуха; небрежно касались они блестящими ножками паркета и были более эфирны, нежели если бы вовсе его не касались..."

Есть на выставке и мужские портреты. Например, изображение аббата (конец 1830-х). Картина, скорее не характерная для кисти Брюллова — здесь шло явное подражание Ренессансу, а потому всё внимание — к глазам и мыслям. Обычные же брюлловские вещи — это роскошный облик при полном нежелании автора вторгаться в по-тайной, внутренний мир. Да кто бы ему позволил? Ни заказчики, ни ...сам стиль бидермайер. А тут явлен человек с живым, но сдерживаемым воображением. Ещё молодой, но уже — умудрённый. Будто бы желающий выглядеть старше. Надменность и — кротость. Борьба двух начал. Портрет выполнен в процессе одного из путешествий по Италии. Вот — полная противоположность: конный портрет Анатолия Демидова (1852) в экзотическом — восточном костюме. Персонаж — юн, горяч, активен. Но, как и принято, весь жар души — лишь приглаженная иллюстрация, а главное — это турецкая сабля, бархат, чёрные кудри. И, как в хрестоматийной "Всаднице" — лошадь и собаки. По факту, многие картины Брюллова — это крепкое ремесленничество, где важно припомнить удачную наработку. Тургенев нелицеприятно высказывался о наследии Брюллова: "Треские картины с эффектами, но без поэзии и без содержания..." Что ж? Не мы такие — мода такая! Заказчики — требовали, он — исполнял. Эффектно — что верно, то верно. Экспозиция венчает многоизвестный автопортрет 1848 года, точнее — авторская копия. Уже иной стиль — никакого любования и прикаса. Мы наблюдаем очень мудрого и — уставшего человека с натруженной кистью. Ему оставалось жить всего четыре года. Нам же достались его творения — локоны, кружева и — эффекты.

Галина ИВАНКИНА

"В ТРЕТЬЮ КНИГУ трёхтомного издания наследия Николая Ивановича Либана (1910-2007), известного историка русской литературы XI-XIX веков, медиевиста, выдающегося лектора и педагога вошли лекции и спецкурсы, работы разных лет, портреты учёных, связанных с филологическим факультетом МГУ, воспоминания и проза, фольклорные записи. Заключают том "Краткая летопись жизни и деятельности Н.И.Либана" и библиография. Многие тексты публикуются впервые".

Это краткая аннотация к книге Н.И.Либан "Русская литература. Лекции. Работы разных лет. Биографическое. Проза". (Москва. Водолей, 2017, 598 стр), которая открывает перед читателем великие миры русской литературы, миры людей, знающих русское слово, одаривающих этим знанием других. Это миры коллег Николая Либана, человека уникального, он преподавал в Московском государственном университете 65 лет. Был выдающимся педагогом, убеждённым, что литература, которую он страстно любил и изучал, должна не только развлекать, но нравственно совершенствовать людей. Сам он был человек в высшей степени нравственный, о чём свидетельствуют сами его тексты: на что учёный делает акценты в своих работах, какие произведения выбирает для своих исследований.

Как театр начинается с вешалки, так книга — с обложки. Изысканный том, в оформлении которого — классическая выдержанность: шрифт, пастельные тона картины К.Ф.Юона "Москворецкий мост. Старая Москва. Московский университет, 1911 год", выбранной не-

случайно — с университетом связана вся жизнь человека, родившегося в год создания полотна. И, наконец, в тебе ещё живёт ребёнок, потому что, открыв книгу, в первую очередь начинаешь рассматривать великолепные иллюстрации: фотографические портреты самого Николая Ивановича, семейные снимки, коллеги и соратники, друзья, кабинет учёного, дача в Домодедове.

Книга состоит из разделов — "Русская литература", куда включены лекции "Н.Г.Чернышевский в русской критике XIXвека", "Историческая тема в художественных произведениях Н.М.Карамзина", роман Н.С.Лескова "Соборяне", "Возникновение русского театра" и другие.

Раздел "Филологический факультет" состоит из "Портретов филологов", таких как Александр Васильевич Корков, Николай Михайлович Гайденков, А.Н.Попов, М.Н. Зозуля, Г.Н.Поспелов, А.И.Ревякин, Н.К.Гудзий, В.Ф.Переверзев, включены сюда и заметки "Из истории филологического факультета МГУ за 60 лет", тем более ценные по той причине, что Николай Иванович Либан в буквальном смысле слова стоял у истоков образования факультета, знает и рассказывает, как, почему и кем был основан факультет. И не отворачивает от воспоминаний о коллегах, о жизни факультета, о нравах, о взаимоотношениях. О незнакомых людях читатель с искренней заинтересованностью. И учишься! Манерам, хорошему тону. И завидуешь. Манерам, хорошему тону.

В разделе "Биографическое" Николай Иванович рассказывает о себе, о своей семье, о времени, в котором жил. Есть раздел "Проза. Путевые заметки".

ЛИТЕРАТУРА ВЕЛИКОГО НАРОДА

О сокровищнице русского слова

Издание содержит обширную библиографию, указатель имён, комментарии. Начинается этот том — очередное пришествие изыщной словесности (как и два предыдущих фоллианта) с лекции, прочитанной к 125-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Надо отметить, что лекции свои Николай Иванович не записывал, он их возглашал. И вот сейчас, читая их, словно слышишь лектора, видишь его (благо, представлены портреты этого великолепно красивого человека). И ты — заморожен.

Особая манера подачи материала, обороты, поражающие ненарочитой изысканностью: "Гончаров — это писатель, который относится к своим героям с уравновешенной объективностью". Как надо знать русский язык, как надо погружаться в творчество Гончарова, чтобы произнести такую вот фразу!

Повествование строится не линейно: родился, учился, написал... Лектор озвучивает некий парадокс, создаёт интригу ("Чем объяснить, что Гончаров не пользуется такой популярностью, как другие писатели?"), затем вместе с читателями-слушателями исследует названный феномен, опираясь и на биографию писателя, и на работы коллег-филологов, и на собственные знания нравов и предпочтений читателей той поры... В итоге не сообщает о чём-то, а убеждает в этом.

Вот что, например, отмечает Николай Либан ("Фрегат "Паллада". Особенности идеи и жанра"): "Интерес представлял обобщённый образ англичанина: он властвует в мире над умами и страстями. Писатель с предельной лаконичностью показывает английского буржуа: индивидуальные черты отброшены, по-скольку нет самой индивидуальности. Идеи наживы, торгашества, расчёта раскрываются обобщённо.... Он выглядит в чужую жизнь как в общеповседневный урок, которого ни в одних школах не отыщешь. Отсюда постоянное тяготение к жанровым картинкам".

"Гончаров — исторически правдивый писатель", — говорит исследователь творчества, рассуждая о романе "Обломов". И открывает тебе, казалось бы, знающему произведение, свободно козыряющему термином "обломовщина", заложенные в произведении глубокие смыслы. "Но сам великий русский народ никогда не был обломовским. В стране, которая "проделала три революции", до чрезвычайности преобразила свой облик, должны были быть для этого исторические предпосылки".

Николаю Либану свойственен "исторический оптимизм", как бы банально и ходоульно ни звучала эта фраза. Исследуя русскую литературу, он, как и Тургенев, знает "нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу". Такая литература не может быть у народа не великого. Ведь и няня Арина Родионовна не училась у Пушкина, а Пушкин учился у неё!

Исследования русской литературы Николая Либана читаешь едва ли не с большим интересом, чем сами произведения, которые рассматривает автор. Во всяком случае, хочешь перечитать всё вновь. И Чернышевского, и Карамзина, которого Либан исследует от "Марфы Посадницы" до "Истории государства Российского": "...такая важная задача, как воспитание достойных граждан через любовь к истории: история — это Библия для христиан, а на-

род, не знаящий своей истории, легкомыслен — его предки были не хуже его. История питает нравственные чувства человека, располагает душу к справедливости". Прочитаешь и устыдишься: вот кто из нас способен так красиво и емко выразиться: "располагает душу к справедливости"?

Николай Либан не следует за чьим-то, пусть и бесспорно авторитетным, мнением, он не боится оппонировать. "Старый вопрос — со времён Белинского, вопрос об Онегине и Печорине. Историк литературы имеет основания говорить о "Евгении Онегине" как о психологическом романе, но для нас несомненным является то, что именно с Лермонтова начинается его развитие, а не с Пушкина". И далее — убедительнейшая аргументация. Или — "Лермонтов был не столько блестящим компилятором (как думает Шевырёв), сплавляя отдельные приёмы в единый организм, сколько художником глубоко оригинальным, меньше, чем его современники, зависящим от западной литературы". И тоже — обосновывает своё утверждение.

А читая о возникновении русского театра, узнаёшь к тому же обряды и обычаи (от чего и пошёл театр) своего народа. И видишь, что у русской театральной традиции — свои истоки, свои задачи и функции. Можно заимствовать и у восточного театра, и западного. Но нельзя замещать! Задачи и цели изначально были другие!

СОВЕРШЕННО удивительны "рецензии и отзывы" на научные статьи и монографии. Попорту образец профессионального подхода, бескомпромиссности и доброжелательности. Цель рецензента — помочь авторам рассматриваемых работ улучшить написанное ими. "Работа написана живо и интересно". "Статья читается легко и с большим интересом", "Дипломное сочинение свидетельствует, что (имярек) имеет склонность к исследовательской работе", "Исследование является ценным и очень своевременным". И после таких весьма обнадеживающих и вдохновляющих слов — рекомендация, замечание. Порой весьма существенные, но они уже воспринимаются не как придирки, а именно как желания улучшить научный труд, подсказать автору. И поражаешься обширности знаний, энциклопедичности ума Николая Либана, который знает порой больше о предмете исследования того или иного автора, чем тот сам.

А как захватывающи "Путевые заметки! Например, "Алтай": "Я вот вам расскажу, как с шаманом на Алтае встретился". И далее — описание ледяного души обряда. "Если есть камлание, если есть providение, предвидение, значит, есть ещё что-то. Это "ещё что-то" мне тоже показали".

Уникальные портреты (воспоминания, зарисовки) коллег, которые даёт Николай Либан. Поражает в этих описаниях всё: и память, сохранившая всё в малейших деталях, и самоирония, умение выбрать подобающий случаю стиль (здравица или прощальное слово), тон. Портрет Г.Н.Поспелова назван "Человек красивого интеллекта": "Я самый старый на факультете и всё помню: и как создавался факультет. И его первых деканов, и как сформировалась кафедра теории литературы. Произошло это почти анекдотически". И от чтения уже не оторвать-

ся. При этом нет и налёта пошлости. "Он обладал постоянно обогащающимся сильным интеллектом. И этот интеллект был красив. Убеждённый в истине своих высказываний, Геннадий Николаевич всегда был самим собой... место Геннадия Николаевича Поспелова рядом с А.А. Потебней и А.А. Шахматовым... Эти учёные оставили свет. Пока Россия во тьме, но я уверен, придёт время, когда книги Г.Н.Поспелова обретут новую остроту. Мёртвые живут как живые, пока живут их идеи". (1992 год).

А вот одна из ремарок о Г.О. Винокуре: "Григорий Осипович был настолько объективным человеком, что при всём критицизме к текстологии, который тогда у меня был, я должен был всё прочитать. И тогда я пришёл к нему и сказал: "Я прочитал и то, и то, и то, но всё-таки не усвоил, что такое текстология", он ответил: "Не беспокойтесь, я тоже не усвоил. Пусть она существует, она никому не мешает, а во многих случаях даже помогает, когда попадает к одарённым людям".

Или о Н.К.Гудзии: "Он был чудесный человек, знаете, насколько хороший? Помню, я с ним повздорил, может быть, даже обидел. Я ему сказал: Николай Каллининович! Вам будет тяжело после этого разговора. Вы будете извиняться!" Он говорит: "Простите! Ради Бога! Я сейчас извиняюсь". Вот его характер. А как он любил факультет, любил университет." Порой именно такие штрихи, кажущиеся незначительными, и раскрывают как того, о ком говорят, так и самого говорящего.

И вот прохордять перед нами люди, для каждого из которых — доброе слово. Порой о ком-то и нелицеприятно, но объективно. И в этом — характеристика самого Николая Либана, человека феноменальных знаний, исключительной порядочности, погружённости в дело, внимательного к людям.

Знакомая, у которой бывал ещё ребёнком, завещала ему любить людей, и Николай Либан признаётся: "И теперь я понимаю, что значит "людей любить надо". Это значит уделять им часть своего счастья. Человек счастлив! Лишь бы он не был скуп. Лишь бы он уделял часть своего счастья своему другу, своему близкому. Вот так, как я сейчас — уделяю часть своего счастья, огромного счастья, моим близким людям, с которыми меня свела судьба. Это моё счастье. И больше этого счастья, выше этого счастья в мире ничего нет".

И если не счастье, то огромная радость и удовлетворение — чтение очередного тома великолепных работ Николая Ивановича Либана — педагога и человека.

Аннотация сообщает: "Для студентов, аспирантов филологических факультетов, для всех, кто интересуется историей русской литературы и культуры". Но книга интересна и так называемому "широкому кругу читателей". Потому что мы, широкий круг, жаждем "хлеба и зрелищ". И мы получаем это в достатке, читая Николая Либана: роскошная, разнообразная, "экологически чистая" духовная пища и великолепные зрелища! Удивительно зримо всё, о чем говорит автор: герои это литературных произведений или персонажи из его жизни.

Галантным век делают галантные люди. Николай Либан создал свой галантный век.

Екатерина ГЛУШИК

ЗВЕРОБОЙ. "Родина"

КАК говорится, человек, пусть даже он — художник, предполагает, а Бог располагает. Когда-то невозможно было представить,

что шаловливая любимица "Нашего радио" Юлия Чичерина станет исполнителем трагических и сильных композиций о реальной войне. Или Вадим Самойлов, казалось бы, в отличие от брата-радикала, всегда сторонился политики масс... Большая история сама формирует культурные явления. Как только начались события на Донбассе, московская группа "Зверобой" активно включилась в поддержку Новороссии. Были поездки, песни, клипы и — как венец — альбом "Война за мир". Музыканты думали, что альбомом сказали всё о войне в Донбассе. Но вскоре стало ясно, что не выговорили "и малой части того, что должны были". Так появилась песня "Война за мир", которая продолжила линию прошлой пластинки. В 2017-м "зверобой" регулярно навещали Донбасс: выступали в Луганске 9 мая, на День шахтёра в Донецке, — эти поездки принесли группе новые песни. Уже в феврале нынешнего года музыканты побывали на передовой, передали тёплые вещи военнослужащим ДНР, а в марте представляют новый альбом "Родина".

Опять "зверобой" собрали пластинку из шестнадцати песен. Если верить древним мистикам, то это число в одном случае символизировало счастье, в другом — борьбу и преодоление. Установок, безусловно, близких группе.

Новьё участвует своими строками большой друг и соратник группы поэт Елена Заславская. Как заметил Игорь Дудинский: "Она, как её землячка из далёкого прошлого — путивльская страдальца Ярославна, оплакивает своих оказавшихся в плену или павших от пуль непокой товарищей — романтиков веры и сопротивления, рыцарей без страха и упрека, воспевае их жертвенность". Копейбельная "Спит солдатик молодой" стала гимном "Безымянному солдату", а "Ополченец" — несомненно, один из центральных номеров альбома, — обрёл удивительную полноту; он и сказочный герой, и тот самый "партизан" из политической философии XX века, с его мобильностью, политическим вовлечённостью и "теллурическим" характером — привыканием к земле, на которой сражается.

Символично, в одном интервью Елена в числе самых любимых литературных героев называет Натти Бампо ("потому что он всегда говорил правду"), то есть Зверобой из романов Фенимора Купера. Возможно, одна из истин "тёзки": "Слова, напечатанные в книгах, не могут быть более истинными, чем те, которые напечатаны на небесах, на лесных вершинах, на реках и на родниках", — вполне себе близка музыкантам.

Здесь лирика свободно переплетается с политикой, а внешняя простота, доступность имеют своим основанием внутреннюю силу и сложность. "Зверобой" убеждаются, что даже частная жизнь пропитана идеологиями. Разумеется, не уровня "демократических выборов", но выбора: жизненного, сущностного, ценностного. Посему даже объяснимая эстетическая дистанция сокращается этическим приятием.

"Родина" — это качественный русский рок. Есть заметный уклон в фолк-темы, есть несколько неожиданный зло-сатирический речитатив (с мотивом из 7-й симфонии Шостаковича) про "внутреннего немца", к концу пластинки возникает народная казачья песня "Сон Степана Разина" ("Ой, то не вечер").

"Зверобой" позволяет себе считать настоящей Родиной — большую страну, вне всяких пограничных столбов образца 1991 года. И одновременно находить счастье бывать в неведомой подмосковной деревеньке Головкино.

Родина для "зверобоев" — это идея, цельность, единство пространств и исторических эпох: "ведь у нас за спиной Крестный ход и Бессмертный полк". Это Победа, в которой соединяется прошлое и будущее.

И при всех неизбежных суровых нотках некоторых песен, нет в альбоме жадны крови. Есть боль, печаль, радость и непрерывные вера, надежда и любовь. Война за мир продолжается.

Андрей СМЕРНОВ

Концерт-презентация альбома "Родина" 23 марта, 20.00, паб "O'Connell's".

Проезд: ул. Покровка, 18/18, стр. 1 (м. "Чистые пруды", "Курская")

До 18 марта 2018 года

Концертно-выставочный зал "В доме Нащокина" (Гагаринский пер., 4/2)

Обновлённая экспозиция

ПАМЯТИ ЮРИЯ ХОЛДИНА

ЛОВЕЦ СВЕТА

Проект "Свет фресок Дионисия — миру"

Часы работы зала: пн-пт с 10.00 до 19.00, сб, вс — только в часы экскурсий (по предварительной договорённости, тел. 8 (910) 426-8145).

Книга "Как жил, работал и воспитывал детей И.В. Сталин. Свидетельства очевидца" (Артём Сергеев. Екатерина Глушик) и книга Екатерины Глушик "Пути исповедимые" (публицистика). Справки по тел.: 8-985-256-91-24